

Мишель Фуко о Пинеле

Ещё несколько легенд приводит Мишель Фуко (да, да, всё в той же «Истории безумия в Классическую эпоху»), не без некоторого сарказма — ну не давали человеку покоя лавры его соотечественника и коллеги:

«Следующий случай упоминается в анналах медицинской агиографии столь же часто: это освобождение солдата Шевинье.

Он был пьяница, у которого развилась мания величия и который возмнил себя генералом; но Пинель сумел разглядеть в этом мятущемся человеке “прекрасную натуру”; он развязывает ему руки и объявляет, что берет его себе в услужение и рассчитывает на его верность, которой “хороший хозяин” вправе ожидать от признательного слуги.

Свершается чудо; в этой покрытой мраком душе внезапно пробуждается добродетель верного слуги: “Никогда еще в сознании человека не происходило столь внезапного и столь глубокого переворота... едва оказавшись на свободе, он стал внимателен и услужлив”; дурная голова сочетается у него с благородным сердцем, и он сам принимается укрощать и смирять ярость других безумцев вместо своего нового хозяина; он, “вчера еще бывший им ровней, говорил им разумные и добрые слова, ибо теперь ощущал себя выше прочих сумасшедших на целую свою свободу”.

В легенде о Пинеле этот добрый слуга до конца остается предан своему господину душой и телом; он заслоняет его собой, когда народ Парижа крушит ворота Бисетра, желая учинить справедливую расправу над “врагами нации”; “он загораживает его своим телом, словно щитом, и принимает на себя удары, чтобы спасти ему жизнь.

<...>

Пятым из узников, освобожденных Пинелем от оков, был бывший священник, изгнанный за свое безумие из лона церкви; одержимый манией величия, он вообразил себя Христом; то был “верх человеческой спеси и бреда”.

В Бисетре он очутился в 1782 г., и к моменту освобождения находился в оковах уже двенадцать лет. Надменные повадки и великое красноречие делают его любимым развлечением всего госпиталя; но он знает, что вновь переживает Страсти Христовы, и потому “терпеливо переносит сию нескончаемую пытку и постоянные насмешки, которым он подвергается из-за своей мании”. Пинель включил его в первую партию освобожденных, в число первых двенадцати узников, несмотря на то что он по-прежнему находился в состоянии острого бреда.

Однако с ним он поступает иначе, чем с прочими безумными: не обращается к нему с увещеваниями, не требует обещаний; ни слова не говоря, он жестом велит снять с него цепи и нарочно приказывает всем вести себя так же сдержанно и не разговаривать с бедным сумасшедшим.

Этот запрет соблюдался со всей строгостью и произвел на спесивца действие гораздо более чувствительное, нежели кандалы и темница; оказавшись в столь непривычном для себя одиночестве и бесприютности на фоне полной физической свободы, он почувствовал себя униженным.

Наконец, после долгих колебаний он по собственной воле присоединяется к обществу других больных; начиная с этого дня мысли его получают более разумное и более верное направление».